

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 69**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 69 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 222 с.

ISBN 978-5-458-04718-0

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04718-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Философія Ницше ¹⁾).

XVII.

Соціальныя и политическія воззрѣнія Ницше.

Мы уже видѣли, что нравственныя воззрѣнія съ точки зрѣнія Ницше суть отраженія общественныхъ отношеній. Альтруистическая мораль представляетъ собою выраженіе демократическаго строя жизни и демократическихъ тенденцій общества. Напротивъ того, та мораль, которую Ницше называетъ „здравую“, „натуралистическою“, „господскою“, есть созданіе высшихъ слоевъ общества,—завоевателей господь,—аристократіи.

Поэтому оцѣнка той или другой морали для Ницше есть вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнка того или другого общественнаго типа, общественнаго строя, создавшаго каждую данную мораль. За его ненавистью къ морали альтруизма скрывается глубокое презрѣніе ко всему, что носитъ на себѣ печать демократизма. Всѣ его соціальныя и политическія воззрѣнія отъ начала до конца построены на аристократическихъ началахъ.

Мы уже видѣли, что іерархія цѣнностей у него соотвѣтствуетъ іерархія силъ въ человѣческомъ обществѣ. Люди не равны по природѣ, а, слѣдовательно, и неравноцѣнны; поэтому было бы верхомъ безумія и несправедливости—*уравнивать ихъ въ правахъ*. Истинная справедливость выра-

1) № 68 «Вопр. Фил. и Псих.», 436.

жается въ неодинаковомъ отношеніи къ неодинаковымъ величинамъ, слѣдовательно, въ неравенствѣ ¹⁾, въ преобладаніи высшаго типа.

Вытекая изъ элементарныхъ требованій справедливости, аристократическій строй вмѣстѣ съ тѣмъ является необходимымъ условіемъ высшаго культурнаго развитія. „Всякое возвышеніе человѣческаго типа было доселѣ дѣломъ аристократическаго общества. Такъ оно будетъ и впредь, ибо для этой цѣли необходимо такое общество, которое признаетъ множество іерархическихъ ступеней, вѣрить въ различную цѣнность различныхъ людей и нуждается въ рабахъ въ томъ или другомъ значеніи этого слова“ ²⁾. Чтобы человѣкъ непрестанно росъ въ вышину, привычка господствовать должна войти въ его плоть и кровь: онъ долженъ быть окруженъ рабами—орудіями его воли; его должно отдѣлять отъ низшихъ чувство разстоянія. Высшее не должно унижать себя до степени орудія низшихъ: паоось разстоянія долженъ навѣки раздѣлить самыя задачи людей. Высшіе люди имѣютъ въ тысячу разъ больше правъ на существованіе, чѣмъ низшіе: это преимущество колокола съ полнымъ звукомъ передъ колоколомъ разстроеннымъ и надтреснутымъ: въ высшихъ людяхъ—залогъ будущаго; они одни связаны обязательствами по отношенію къ будущему человечества ³⁾.

Въ чемъ же заключаются признаки высшаго типа, тѣхъ, которые имѣютъ право повелѣвать, въ отличіе отъ тѣхъ, которые должны повиноваться? Мы уже видѣли, что по Ницше въ основѣ противоположности господъ и рабовъ лежитъ контрастъ животныхъ хищныхъ и домашнихъ, ягнятъ и орловъ; всякая высшая культура начиналась всегда съ завоеванія: какое-нибудь племя хищниковъ—варваровъ въ полномъ смыслѣ этого слова—бросалось на мирное пастушеское или земледѣльческое населеніе или на какое-нибудь

¹⁾ Götzen-Dämmerung, VIII, 161—162.

²⁾ Jenseits von Gut und Böse, § 257, B. VIII, 235.

³⁾ Zur Genealogie der Moral, 436.

общество съ разлагающейся культурой; послѣ завоеванія варвары превращались въ господъ, завоеванное населеніе— въ рабовъ. Такова историческая основа всякой аристократіи. Господа первоначально превосходили рабовъ не физической силою, а своими психическими свойствами: они были болѣе цѣлостными людьми, или, что то же— „болѣе цѣлостными бестіями“¹⁾.

Въ этомъ и заключается оправданіе ихъ господства. Нечего удивляться тому, что ягнята ненавидятъ орловъ и находятъ ихъ злыми; но, съ другой стороны, не слѣдуетъ винить орловъ за то, что они добываютъ себѣ въ пищу нѣжныхъ и вкусныхъ ягнятъ²⁾. Такъ всегда было, и такъ всегда будетъ. Существуетъ множество различныхъ формъ, различныхъ типовъ господства и рабства. Самые способы эксплуатаціи человѣка человѣкомъ исторически мѣняются, но сущность остается неизмѣнною. Въ наши дни весьма распространено мнѣніе, будто въ будущемъ наступитъ такое общественное состояніе, при которомъ эксплуатація вовсе не будетъ имѣть мѣста. По мнѣнію Ницше, устроить общество такимъ образомъ столь же невысказано, какъ создать жизнь безъ всякихъ органическихъ функций. „Эксплуатація вовсе не есть особенность общества испорченнаго или несовершеннаго и первобытнаго: она составляетъ существенное свойство жизни, служитъ основною ея, органической функцией“: она выражаетъ собою ту „волю могущества, которая составляетъ сущность всего существующаго“³⁾.

Поэтому высшіе, лучшіе люди не должны стыдиться эксплуатаціи. Сущность хорошей и здоровой аристократіи заключается въ томъ, чтобы видѣть въ себѣ самой *не функцию* общества, а его оправданіе и смыслъ: поэтому она должна со спокойной совѣстью принимать жертву безчисленнаго множества людей, которые ради нея становятся

1) Jenseits von Gut und Böse, § 257, B. VII, 235—236.

2) Zur Genealogie der Moral, B. VII, 326.

3) Jenseits von Gut und Böse, § 259, B. VII, 238.

неполными людьми, рабами, орудіями. Она должна проникнуться убѣжденіемъ, что общество должно существовать не ради самого общества, а единственно въ качествѣ фундамента и подмостковъ, на которыхъ высшій родъ существъ могъ бы подняться къ высшей своей задачѣ. Таковы жадныя до свѣта выюшіяся растенія на островѣ Явѣ, извѣстныя подъ названіемъ *Sipo Matador*; они своими вѣтвями обвиваютъ дубъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, поднявшись надъ нимъ, но опираясь на него, они въ свободномъ свѣтѣ не распустиятъ своего вѣнца, выставляя на показъ свое счастье ¹⁾.

XVIII.

Не такова господствующая тенденція нашего времени. Характеристическая черта нашей эпохи—необыкновенно быстро совершающаяся демократизація общества. Всѣ словныя различія стираются и уничтожаются; люди становятся совершенно *подобными* другъ другу; въ борьбѣ за существованіе человѣкъ обыкновенный, тотъ, который ничѣмъ не отличается отъ прочихъ, беретъ верхъ; напротивъ, люди утонченныхъ дарованій, выдающіеся, рѣдкіе экземпляры, остаются непонятыми, изолированными и гибнутъ въ своемъ одиночествѣ. Нужны чудовищныя силы, чтобы задержать этотъ естественный процессъ уподобленія (*progressus in simile*), превращеніе человѣчества во что-то обыкновенное, посредственное, стадообразное и пошлое! ²⁾ Въ общемъ, тутъ ничто не помогаетъ: человѣчество не можетъ двигаться вспять подобно раку; оно должно шагъ за шагомъ итти впередъ по пути упадка,—въ этомъ заключается сущность современнаго „прогресса“; всякія попытки воспрепятствовать этому движенію могутъ привести только къ тому, что оно, подобно запруженной рѣкѣ, скопится и сосредоточитъ свои силы, чтобы потомъ прорваться съ еще большей энергіей ³⁾.

¹⁾ *Jenseits von Gut und Böse*, § 258, B. VII, 236—237.

²⁾ *Ibid.*, § 268, стр. 255.

³⁾ *Götzen-Dämmerung*, B. VIII, 153.

Перебирая всѣ возможные слои современнаго общества, Ницше всюду видитъ одну и ту же безотрадную картину всеобщаго упадка. Рабочій классъ совершенно обезличенъ: рабочіе не почитаютъ для себя стыдомъ играть роль винтиковъ машины и какъ бы восполнять собою пробѣлы человѣческой изобрѣтательности: имъ не внушаетъ отвращенія мысль, будто сущность ихъ страданій, ихъ безличное рабство можетъ быть уничтожено повышеніемъ платы. Мало того, они слушаются тѣхъ теоретиковъ, которые учатъ, что позоръ рабства можетъ быть обращенъ въ добродѣтель путемъ увеличенія этой безличности въ машинномъ производствѣ современнаго общества. Ихъ низость доходитъ до того, что они соглашаются за опредѣленное вознагражденіе перестать быть личностями и превратиться въ винтики. Между тѣмъ, никакая плата не въ состояніи вознаградить рабочаго за утрату его внутренней цѣнности.

Надежды на социалистическій строй будущаго безумны и бессмысленны, ибо въ тотъ день, когда рабочій перестанетъ быть рабомъ капиталистовъ, онъ все-таки будетъ рабомъ революціонной партіи, рабомъ новаго государства, машины ¹⁾. Значеніе труда сводится къ тому, что онъ *убиваетъ личность въ рабочемъ*. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ современное прославленіе труда: въ основѣ его лежитъ страхъ *передъ личностью*. Въ сущности теперь всѣ чувствуютъ, что тяжелый, изнурительный трудъ, продолжающійся съ утра до вечера, дѣйствительнѣе всякой полиціи, такъ какъ онъ служитъ уздою для cadaго: онъ сдерживаетъ развитіе разума, потребностей, чувства независимости, ибо онъ затрачиваетъ огромное количество нервной силы, отвлекая ее отъ размышленія, думъ, мечтаній, заботъ, любви и ненависти. Онъ не ставитъ передъ челоѣкомъ никакой цѣли, доставляетъ ему дешевое и постоянное удовлетвореніе. Поэтому въ обществѣ, гдѣ идетъ постоянный, усиленный трудъ, живетъ безопасно; а безопасность и

1) Morgenröthe, § 206, B. IV, 203—205.

есть то божество, на которое молится современный человек! И вдруг, о ужас! Как раз рабочий стал опасным! Опасны личности кипмя кишать. И за ними скрывается величайшая из всех опасностей, *индивидуальность* ¹⁾.

Рабочий вопрос, который во всем своем грозном величии стоит в настоящее время перед человечеством, есть результат господствующей тенденции нашей эпохи—стремления ко всеобщей нивеллировке и безусловности. Чтобы сохранить существующий общественный строй, следовало бы воспитать в рабочем китайский темперамент—тип трудолюбиваго и невзыскательнаго муравья. Вместо того, что же сдѣлало современное общество: оно стерло сословныя грани и в корнѣ уничтожило всѣ тѣ инстинкты, в силу коих рабочий становится возможным как класс, становится возможным для себя самого в этом качестве. Рабочіе были призваны къ военной службѣ, имъ было дано право ассоціаций, политическое право голоса. Что же удивительнаго, если в настоящее время рабочий видит в своемъ состояніи бѣдствіе, или, выражаясь нравственнымъ языкомъ, — *неправду*. „Но опять-таки спрашивается, чего же мы, наконецъ, хотимъ? Если мы желаемъ цѣли, то мы должны желать и средствъ; если мы хотимъ имѣть рабовъ, то мы будемъ дураками, если станемъ воспитывать в нихъ господъ“ ²⁾.

Сами господа в настоящее время врядъ ли многимъ лучше рабовъ. Если мы заглянемъ в среду людей обезпеченныхъ, образованныхъ, то здѣсь точно такъ же мы увидимъ картину упадка, принижения умственныхъ интересовъ и всеобщаго измельчанія личности. Современное общество заѣдено американизмомъ; есть что-то дикое в той алчности къ золоту, которая характеризуетъ современныхъ американцевъ и все в большей степени заражаетъ современную Европу. Все

1) Morgenröthe, § 173, B. IV, 169—170.

2) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 153.

чаще и чаще начинаетъ встрѣчаться типъ человѣка, поглощеннаго всецѣло денежными дѣлами: въ погонѣ за наживой онъ не знаетъ покоя; онъ стыдится отдыха, испытываетъ угрызения совѣсти, когда мысль отвлекаетъ его отъ текущихъ заботъ дня. Мы постепенно привыкаемъ думать съ часами въ рукахъ; мы завтракаемъ съ биржевымъ листкомъ передъ глазами; мы живемъ, какъ будто боимся упустить минуту для какого-либо важнаго дѣла. Страхъ передъ бездѣльемъ, непрерывная тревога накопленія богатствъ и заботы о хлѣбѣ насущномъ грозятъ убить всякое образованіе и высшій вкусъ. Мы постепенно утрачиваемъ чувство формы, чутье къ мелодіи и ко всему прекрасному. Въ отношеніяхъ между людьми господствуетъ дѣловитость и разсудочная ясность; мы разучились радоваться жизни; мы считаемъ за добродѣтель „сдѣлать возможно больше въ возможно меньшее время“. Когда мы тратимъ время на прогулку, бесѣду съ друзьями или на наслажденіе искусствомъ, мы уже считаемъ нужнымъ оправдаться „необходимостью отдыха“ или „потребностями гигиены“. Скоро самая склонность къ созерцательной жизни войдетъ въ презрѣніе. Насколько возвышеннѣе было настроеніе древнихъ! Древніе греки полагали цѣль жизни въ созерцаніи; только война и созерцательная жизнь считались у нихъ достойными свободаго; напротивъ, трудъ признавался занятіемъ рабскимъ, достойнымъ презрѣнія ¹⁾).

Нашъ вѣкъ ставитъ себѣ цѣлью сдѣлать человѣка возможно полезнымъ; для этого нужно прежде всего надѣлать его добродѣтелями непогрѣшимой машины: онъ долженъ выше всего цѣнить минуты „машинально полезнаго труда“. Главнымъ камнемъ преткновенія при этомъ служить, конечно, скука, связанная съ подобнаго рода дѣятельностью. Чтобы превратить человѣка въ „полезную машину“, надо пріучить его къ скукѣ, сообщить ей даже особую прелесть; въ этомъ и заключалась доселѣ задача современной школы.

¹⁾ Die fröhliche Wissenschaft, § 329, B. V, 249—250.

Эта школа заставляет насъ учиться именно тому, что насъ вовсе не касается, видѣть въ этой якобы „объективной“ дѣятельности нашъ долгъ, цѣнить долгъ независимо отъ удовольствія,—въ этомъ ея „неоцѣненная заслуга!“ Поэтому филологъ былъ доселѣ воспитателемъ по преимуществу, ибо его дѣятельность являетъ собою классическій образецъ монотонности, доходящей до грандіозныхъ размѣровъ. У него юношество научается тому машинальному исполненію обязанностей, которое является необходимымъ качествомъ будущаго чиновника, супруга, раба какого-нибудь бюро, читателя газетъ и солдата ¹⁾.

XIX.

Наши умственные способности истощены: немудрено, что нашъ вѣкъ характеризуется отсутствіемъ какого бы то ни было оригинальнаго стиля. Въ нашемъ безсиліи создать что-либо новое, самобытное въ области искусства, философіи и морали, мы обращаемся къ прошлому, заботливо собирая обломки отжившихъ культуръ. Отсюда-то *преобладаніе историзма*, историческаго интереса, которое отличаетъ современность. Прежнія эпохи—древность, средніе вѣка, эпоха возрожденія,—обладали своеобразнымъ стилемъ въ архитектурѣ, скульптурѣ, во всей вообще ихъ умственной жизни; напротивъ, современность есть по преимуществу эпоха подражанія и сравненія всѣхъ возможныхъ стилей, нравовъ, міровоззрѣній, культуръ ²⁾. Она представляетъ собою какой-то пестрый карнаваль—смѣшеніе костюмовъ всѣхъ возможныхъ временъ, символовъ вѣры, моралей и религій ³⁾. Современный человекъ подобенъ тѣмъ планетамъ, которыя заимствуютъ свой свѣтъ не отъ одного, а отъ нѣсколькихъ свѣтилъ; въ нашей дѣятельности господствуетъ не одна, а нѣсколько различныхъ моралей: оттого наши дѣйствія окра-

¹⁾ Der Wille zur Macht, § 406, B. XV, 431—432.

²⁾ Menschliches, Allzumenschliches, § 23, B. II, 40—41.

³⁾ Jenseits von Gut und Böse, § 223, B. VII, 176.

шиваются въ разнообразныя краски, и мы нерѣдко совершаемъ пестрые поступки ¹⁾.

Нѣтъ той духовной пищи, которую бы не перевариваль современный человѣкъ: въ этомъ заключается его гордость; но онъ принадлежалъ бы къ высшему разряду существъ, если бы онъ былъ лишень этой способности: *человѣкъ всеядный* вовсе не есть самая утонченная разновидность человѣка ²⁾. Все это смѣшеніе разнородныхъ культуръ, весь нашъ „историческій смыслъ“, которымъ мы такъ хвалимся, составляетъ послѣдствіе того полуварварскаго состоянія, въ которое погрузилась Европа вслѣдствіе демократическаго смѣшенія сословій и расъ. Впервые въ девятнадцатомъ столѣтіи историческій смыслъ сталъ чѣмъ-то вродѣ „шестого чувства“ образованнаго человѣка: этотъ смыслъ означаетъ собою чутье и вкусъ ко всему на свѣтѣ или, что то же,—отсутствіе изысканнаго и благороднаго вкуса, плебейскую любознательность. Что такое богъ современнаго искусства, Шекспиръ, какъ не сочетаніе всѣхъ возможныхъ вкусовъ: это—такое соединеніе испанскаго съ мавританскимъ и саксонскимъ, отъ котораго древніе аэиняне—современники Эсхила—умерли бы со смѣха. А мы, напротивъ, наслаждаемся этой дикой пестротой, этой смѣсью нѣжнаго, грубаго и искусственнаго какъ высшимъ родомъ искусства; мы не гнушаемся дышать однимъ воздухомъ съ англійскою чернью—той атмосферой, которою живетъ творчество Шекспира. Недостатокъ вкуса составляетъ обратную сторону нашей воспримчивости и отзывчивости ³⁾.

Будучи смѣшаннымъ существомъ, современный человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ что-то недодѣланное, обрывокъ и начатокъ чего-то. Наше время какъ никакое другое характеризуется развитіемъ специальностей: вслѣдствіе колоссальнаго роста разнообразныхъ отраслей знанія образованіе становится все менѣе и менѣе общимъ: оно получаетъ ха-

¹⁾ Ibid., § 215, стр. 170.

²⁾ Morgenröthe, § 171, B. IV, 168.

³⁾ Jenseits von Gut und Böse, § 224, B. VII, 176—179.

ракторъ отрывочный; природы богатыя и глубокія уже не находятъ себѣ подходящихъ воспитателей. Человѣкъ-дробь, односторонній наблюдатель съ высокоумными претензіями,—вотъ современный культурный типъ. Нынѣшніе университеты стали настоящею школою приниженія умственнаго уровня ¹⁾).

Не одни только ученые спеціалисты,—большинство людей представляютъ собою какъ бы обломки, части человѣка; чтобы получить человѣка *цѣлостнаго*, надо сочетать ихъ во едино. Цѣлыя эпохи, цѣлые народы являютъ собою образцы такого односторонняго развитія; всѣ эти низшіе человѣческіе типы суть какъ бы предваренія и прелюдіи къ высшему: они въ своей совокупности готовятъ появленіе тѣхъ синтетическихъ личностей, которыя, подобно верстовымъ столбамъ, показываютъ, насколько человѣчество ушло впередъ въ своемъ движеніи ²⁾).

Въ „Заратустрѣ“ мы находимъ ту же мысль въ слѣдующемъ образномъ выраженіи. Однажды, будучи окруженъ калѣками и увѣчными, Заратустра обращается къ нимъ съ такою рѣчью: „У одного нѣтъ глаза, у другого — уха, у третьяго—ноги; иные потеряли языкъ, носъ или голову. Но это еще далеко не худшее изъ того, что я видѣлъ у людей“.

„Я вижу и видѣлъ нѣчто худшее и подчасъ до того ужасное, что не обо всемъ могу говорить, а кое о чемъ долженъ молчать; я видѣлъ людей, коимъ недостаетъ рѣшительно всего, но вмѣстѣ съ тѣмъ *чего-нибудь одною* у нихъ слишкомъ много, напримѣръ, такихъ людей, которые суть только огромный глазъ, или огромная морда, или огромное брюхо, вообще, что-нибудь огромное,—такихъ я называю калѣками навыворотъ“.

„Поистинѣ, мои братья, я брожу среди людей, какъ среди частей и органовъ человѣка. Всего страшнѣе для моего

¹⁾ Götzen-Dämmerung, VIII, 111.

²⁾ Der Wille zur Macht, § 475, B. XV, 482.